

КРИМИНАЛИСТИКА

И.Т. Кривошеин

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ В ФОРМИРОВАНИИ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ КРИМИНАЛИСТИКИ (СТАТЬЯ ПЕРВАЯ)

Юридический институт Томского государственного университета

Становление и развитие научного знания – процесс сложный, творческий, наполненный тонкими интеллектуальными дифференцировками и нюансами. Накопленный наукой научно-познавательный опыт убедительно свидетельствует о том, что каждое исследование имеет свой заглавный замысел, свое ядро, к которому все стягивается, вокруг которого все группируется и систематизируется. Оно (ядро), как закон, определяет движение интеллектуальной мысли, актуализирует приоритетность расстановки идейно-мировоззренческих и научно-познавательных основоположений, фундирует логику исследования, подбор доказательных и содержательных конструктов, концепционное наполнение каркаса исследования. Схематический набросок общего движения интеллектуальной мысли дает возможность отделить первичное – главный замысел, от обосновывающих его положений, носящих производный, вторичный характер. Обосновывающие положения – это положения поддерживающие, подкрепляющие и развивающие идеи, содержащиеся в свернутом виде в главном замысле. Этим данная схема отличается от анализа в формате общего, особенного и единичного, абстрактного и конкретного, где аналогии отводится скромная роль одного из логических средств.

Наряду с устоявшимся представлением о научно-познавательном значении аналогии масштаб ее действительной значимости многократно и кардинально возрастает тогда, когда аналогия не отделяется от мира человеческого бытия. В этом жизненном пространстве аналогия (сопоставление) становится средством миропонимания, мироощущения, мироустройства и представлений о мироизменении. Аналогия становится по существу одним из субстанциальных средств оценки оптимальности человеческого существования, одним из стимулов человеческой энергичности на одном полюсе и источником пороков и заблуждений на другом. В этом своем качестве, аналогия, независимо от степени ее осознаваемости, существовала всегда. Человек всегда соизмерял, соотносил свое существование с кем-либо, с чем-либо, т.е. действовал по аналогии. Со-

относя, он постоянно искал выход из текущего жизнесуществования, в том числе, в своих представлениях, идеалах и мечтах. Здесь, на стыке реальных условий жизнесуществования и представленно-образным, сугубо человеку присущем сопоставлении и рождалась основная масса противоречий. Именно здесь рождались идеи о светлом будущем, о столь желаемом изменении реальных условий жизнесуществования. Аналогия пронизывает общество, классы, группы вплоть до индивида. Она оптимизирует организацию и регуляцию человеческого поведения, позволяет снизить или даже избежать перенапряжения.

Аналогия – это одно из самых масштабных и жизненно значимых для человека основоположений. Неразрывно связанная с мыследеятельностью она задает мировоззренческую ориентацию, подводит мысль к научно-познавательным горизонтам, подсказывает масштаб научно-познавательных исканий, расстановку познавательных значимых акцентов, пути решения стоящих задач. Масштабная и разнообразная аналогия была характерна для мышления, например, К.Маркса, В.И. Ленина, И.В. Сталина и других исследователей. Таким образом, как общество, политика, идеология, так и наука никогда не дистанцировались от аналогии.

Человеческое цивилизованное общество и наука накопили огромный опыт и знания в области человеческого жизнесуществования, где аналогия-сопоставление о представлениях человека и возможностях их воплощения в реальность занимала, хотя зачастую и в неявно выраженной форме, основное место. Но все они, в силу их утопичности, надуманности и нереализуемости принадлежат истории. Но при этом, ни общество, ни наука никогда не отказывались от идеи реального совмещения и воплощения в жизнь представленно-образной стороны человеческого жизнесуществования. В ряду такого рода многочисленных учений особое место в истории философской мысли принадлежит диалектическому материализму. *Его конкуренто- и жизнеспособность определяется тем, что К. Марксу удалось соединить в концептуально-целостное образование реальные условия жиз-*

несуществования и представления человека о должном жизнесуществовании. Именно достигнутое сопоставление/совмещение было одной из самых привлекательных сторон учения К. Маркса; оно было духоподъемно, оно вселяло веру в достижимость провозглашаемого.

В действительности К. Маркс с большим сомнением относился к внутреннему миру человека, к его духовной составляющей. «...мы исходили не из того, – писал К. Маркс в «Немецкой идеологии», – что люди говорят, воображают, представляют себе, – мы исходим также не из существующих только на словах, мыслимых, воображаемых, представляемых людей, чтобы от них прийти к подлинным людям; для нас исходной точкой являются действительно деятельные люди, и из их действительного жизненного процесса мы выводим также и развитие идеологических отражений и отзвуков этого жизненного процесса. <...> Таким образом, мораль, религия, метафизика и прочие виды идеологии и соответствующие им формы сознания утрачивают видимость самостоятельности. У них нет истории, у них нет развития... Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание» [1, с. 28–29].

Это сомнение становится понятным, поскольку духовный мир человека трудно понимаем, трудно разворачиваем, трудно уловим, фиксируем и в силу этого не поддающийся дискурсивной обработке. Без сожалений духовность, внутренний мир человека были причислены к идеалистическому, надуманному, увязаны с религиозностью, с «поповщиной» (В.И. Ленин).

Как отмечается некоторыми исследователями «Полное принижение образа человека произошло благодаря Марксу... Философские, религиозные и правовые ценности каждой эпохи стали легко объяснимы такими переменными, как экономика и политика, при помощи которых эксплуататорский класс держит под контролем средства производства. Вся гигантскую суперструктуру человеческих верований можно рассматривать как отражение состояния общества и классовой борьбы. Элита западного общества, так гордящаяся достижениями культуры, могла узнать себя в созданном Марксом мрачном портрете буржуазного угнетателя-империалиста» [2, с. 227]. Духовность не вписывалась в политику, в прокрустово ложе детерминизма, детерминистического принципа причинности как, например, природные явления или явления общественного характера, в том числе и внешняя сторона поведения индивида.

Философия диалектического материализма – это философия познания внешнего. Будь то картина самодвижения и саморазвития природы, или картина устройства общества и общественного движения,

или человеческого, внешне выраженного отношения. Внешняя сторона жизнесуществования в отличие от внутренней, духовной, поддавалась фиксации, упорядочению и систематизации. Это давало возможность выделить формации и классы, эксплуатацию и классовую борьбу, базис и надстройку, бытие и сознание, материалистическое и идеалистическое, производственные и иные, в зависимости от объекта, отношения. В своей исходности, они производны от объекта, они его объективные свойства, они суть внешнего, видимого, осязаемого, чувственного мира, мира бытия. Забвенными остались лишь духовные отношения, они внутри личности, они скрыты, но от этого они не стали менее значимыми для характеристики действительной человеческой личности.

Детерминируется ли духовность, духовные отношения производственными отношениями, достаточно ли для полноценного жизнесуществования человеческой личности лишь по иному устроить производственные отношения? Духовное для человека – это излишество, придуманное «буржуазными» мыслителями или вне духовного человек может существовать удовлетворяясь лишь производственными отношениями? Правомерно ли придавать детерминизму, детерминистическому принципу причинности универсальный характер, абсолютизировать детерминистическую связь, в тотальной целостности эксплицировать ее в мир человека?

Человек в мире и мир человека неоднородны, не едины. Эта изначальная разнообразность позволяет обособливать различные пространства – природные, социальные и духовные. Исходная многомерность всегда жизнеутверждалась в специфических социально-исторических условиях, влекущих за собой идейно-мировоззренческую и гносеологическую расслоенность познаваемого.

Так, существуют явления изначально природные. Познание их сущности подчиняется опыту накопленному естественными науками, обработанными и осмысленными естественно-научной методологией. Познанная сущность включается в социальную сферу и существенно оптимизирует условия жизнесуществования человека и общества в целом.

Существуют явления изначально социальные, рожденные самими условиями жизнесуществования человека и общества. Это явления созданные силой ума, интеллекта, силой духа человека. Они возникают как результат комбинаций с иными явлениями социального происхождения. Создаваемые мыслью, они всецело носят умозрительный, идеализированный характер. У них нет признаков, указывающих на их естественно-природный характер. Государство, власть народа и свобода воли, мораль, религия и право, преступление и наказание тоже

имеют интеллектуальный, а не природный характер. Рождаются в муках и противоречиях, они до сих пор дискуссионны, противоречивы, поскольку созданы лишь силой воображения, по принципу действия ассоциативных связей, комбинацией мнений, взглядов и представлений, с верой в объективность и справедливость; они уходят своими корнями в сферу духовного, в представленчески-образную область человеческого сознания о должных условиях жизнестойкости. Они существуют, они жизнеспособны постольку, поскольку в той или иной мере, с той или иной степенью глубины отражают человеческий смысл. Прерывистость или разрыв этой связи, ее утрата снижают эффективность социального, эффективность права, его отдельных институтов и норм. Чем масштабней и глубже этот разрыв, тем более дискуссионным является идеализированный объект, конструируемый не из «вещей», а из идей. Идеи – это не природное явление, у природы нет идей, она такова, какова есть. Человек таков, каков его духовный мир – идейно-мировоззренческий мир, его представленчески-образный взгляд на мир. Наполняемый человеческим смыслом существованием, он тогда только и приобретает действительное человеческое измерение.

Некоторые совпадения духовного с материальным, приписываемые философскому материализму, обусловлены тем, что человеческая мысль, в явной или неявной форме, независимо от степени осознанности, всегда стремилась отыскать, придать, заполнить искания и его результаты еще и человеческим смыслом существованием, что и придавало утверждаемому значение живой, человеческой истины.

Диалектический материализм, детерминизм, детерминистический принцип причинности останавливаются у границы, где начинается человеческое смыслом существование. Эта сложнейшая составляющая человеческой личности, расцениваемая как идеалистическая, не включалась в предметно-познавательное пространство универсальных познавательных принципов, в систему универсальной всеобщей взаимосвязи.

Философия диалектического материализма – есть философия бытия, его внешнего устройства, где шум бытия – производственные отношения, заботы о политико-экономическом переустройстве общества заслонили человека вместе с миром его представлений о смыслом существовании, оставив его в прямолинейной одномерной зависимости от производственных отношений. Из этой зависимости могли появиться только буржуазия, пролетариат, крестьянство, да гнилая интеллигенция, лакействующая перед буржуазией; обезличенные, бездуховные носители антагонистических противоречий-отношений. Их удел – противостоять друг другу и

если понадобится, то и уничтожать друг друга. Таковы законы классовой борьбы. Каждый должен исполнять свою социальную роль, осознание которой предзадается производственными отношениями, отношениями собственности. Философия диалектического материализма бесконечно далека от человека, от его духовных начал; она приблизилась к человеку лишь для того, чтобы рассмотреть его с внешней стороны и сконструировать его социальный портрет. Главным было широкое обоснование правильного исполнения пролетариатом своей социальной роли в обществе – быть могильщиком буржуазии. Только старательно исполняя ее можно было рассчитывать на слом старого и перераспределение собственности в свою пользу. Марксову логику питает центральная идея – идея о собственности, о ее привлекательности для масс. По-другому и не истолкуешь отрывок подобный следующему: «...народные массы нашего времени вовлечены в социалистическое движение теми хозяйственными выгодами, которые социализм обещает трудящимся классам... Именно благодаря этому современный социализм и связал себя с интересами огромного большинства современного общества, с интересами трудящихся классов, страдающих от бедности и желающих получить долю в национальном богатстве» [3, с. 14].

При таком интересе не трудно понять, почему массы позволили так легко организовать себя.

Предметом особого внимания исканий и размышлений К. Маркса является обоснование необходимости радикальных изменений политико-экономического характера, изменение экономического базиса общества. Именно базису и его переустройству в философско-мировоззренческих размышлениях К. Маркса придается решающее значение, учение о базисе служит системообразующим началом всех исканий К. Маркса; оно первично, оно суть, главный замысел, от него производны (вторичны) все последующие суждения и утверждения. Каков базис, а точнее в чьем владении находится собственность, таково и устройство общества, его надстройка. Новым владельцем собственности, согласно замысла, мог стать только пролетариат, в пользу которого и следовало перераспределить собственность.

Философия диалектического материализма – это философия практической политики, философия классово-политической борьбы за собственность. Предназначенность политики – не объяснение, а изменение мира. В этой парадигме философия Маркса есть философия политики. Политика, как инструмент практического действия, всегда дистанцировалась от моральных и этических ценностей, от внутреннего мира человека. Духовность всегда была помехой в реальной политике.

В классово-политической борьбе за собственность ничто не должно было отвлекать сознание пролетариата от исполнения им своей миссии, вызывать сомнения и колебания, тем более запущенная в оборот «буржуазными» мыслителями такая химера как духовность, не имеющая даже собственной истории и конечно же никаких перспектив на дальнейшее существование.

Именно эта политико-экономическая часть учения о собственности и о том, как ею овладеть, представлялась марксистам России наиболее впечатляющей. Взятая на вооружение, она составила стратегическую политическую и экономическую идеологию построения социалистического общества, стратегию владения, распоряжения и пользования собственностью.

Этим определяется прежде всего и, главным образом, элитарность марксистского учения в России. Политико-экономическая модель построения государства и общественного устройства, ее политико-идеологические основоположения были распространены и на науку. Безусловно, что наука находится в тесной взаимосвязи и с государством, и с обществом. Безусловно и другое – науку можно подчинить политике. Но логика науки не совпадает с логикой политики. Наука развивается по своим законам. На всем протяжении существования советской науки диалектический материализм, диалектический метод поддерживались и охранялись от отклонений политико-идеологическими «линиями», высказываниями «авторитетов» от партикулярной элиты, революционными (насильственными) мерами, содержащими как прямые, так и скрытые угрозы в адрес исследователей, позволивших себе усомниться в значимости диалектического материализма, указывавших на его недостатки, ставивших под сомнение его необходимость для общества в целом. Такого рода явления были особенно приметны и характерны для раннего этапа вхождения диалектического материализма в науку. Предельный накал и драматизм того времени передает развернувшаяся в 20–30-х гг. философская дискуссия о значении диалектического материализма для государства и общества. Характер дискуссии вполне красноречиво выражен мнением одного из участников. В его работе, по поводу сомневающихся, звучат недвусмысленные предостережения. Автор подчеркивает, что «выбросить за борт философию – значит выбросить за борт материализм. А сделать это – значит поднять руку против самого себя, против собственного мировоззрения, основным столбом которого и является материализм. <...> Современный материализм является непосредственно фундаментом коммунизма... Кто выбросит материализм за борт, тот выбросит за борт и коммунизм, тот скорехонько вслед за этим скатится

к оппортунизму» [4, с. 213].

Такое предостережение звучало не только как критика, оно было просто опасно для жизни. Философия диалектического материализма идентифицировалась как идеология построения социалистического общества, как идеология нового владельца общества. В этом глубинный ее смысл, этим, в конечном итоге, определяется ее тотальная защита.

Приоритет политико-идеологических оценок перед прочими не был случайным. Философия диалектического материализма, диалектического метода есть фундамент, орудие классово-идеологической, революционной борьбы пролетариата за свержение буржуазного строя, за освобождение пролетариата от эксплуатации, за обладание собственностью (см., например, [1]).

Отвлечемся в воображении от многослойных философских напластований, от волнующего революционного пафоса, оставим лишь принципиальную схему политико-экономической основы философии диалектического материализма.

Квинтэссенция философии диалектического материализма, диалектического метода – идеология и практическая методология действия и действований пролетариата, направленная на свержение буржуазии и буржуазного государства, наделение пролетариата мессианской ролью освободителя и благодетеля всего человечества, и назначение на роль нового владельца собственности. Это была научно обоснованная идеология революционной (насильственной) классовой борьбы (государственного переворота), по своей философско-мировоззренческой филигранности не имеющая ничего общего с идеологией Стеньки Разина. И, тем не менее, у этих идеологий есть общее, сближающее их начало – перераспределение собственности. Только одна идеология делала это коряво и незатейливо, другая – сопровождалась интеллектуально обставленной игрой ума. Переустроить общество – значит, прежде всего, перераспределить собственность.

Но, в конечном итоге, цель оставалась одной и той же, как и средства ее достижения.

Диалектический материализм, научивший пролетариат, как и почему ему надо объединяться менее всего был предназначен для системного решения гносеологических проблем. Ни Маркс, ни в последующем В.И. Ленин не ставили перед собой задачи по созданию целостного образа науки, ее архитектоники и построения на этой основе развернутой системной теории познания.

О действительном отношении В.И. Ленина к образованию, к науке, к интеллигенции, к видению их роли в новом социалистическом обществе достаточно красноречиво свидетельствует следующий исторический факт. Так, позируя художнику Ю.П. Анненкову в 1921 г., вождь мирового проле-

тариата снисходительно пояснял изумленному художнику основы ленинизма. Однажды, оторвавшись от исписанных бумаг, Ленин произнес: «Вообще, к интеллигенции, как вы наверное, знаете, я большой симпатии не питаю, и наш лозунг «ликвидировать безграмотность» отнюдь не следует толковать как стремление к народжению новой интеллигенции. «Ликвидировать безграмотность» следует лишь для того, чтобы каждый крестьянин, каждый рабочий мог самостоятельно, без чужой помощи, читать наши декреты, приказы, воззвания. Цель вполне практическая. Только и всего» [5].

Таким в действительности было отношение к науке у вождя мирового пролетариата. Такой виделась и обозначалась и, по крайней мере в намерениях, интеллектуальная свобода, не выходящая за пределы азбуки и букваря; намерения, за которыми недвусмысленно просматривались исключительно «горизонтальные» (приземленные), познавательные рубежи для свободной советской науки, научно-познавательной деятельности и научного знания. Словом, для науки открывались самые «радужные» перспективы. «Цель вполне практическая. Только и всего». Такой кристально чистой мысль, взгляд, представление может быть только тогда, когда она (мысль) несет в себе подлинные намерения, свободные от глубокомысленных философско-мировоззренческих рассуждений, тогда, когда она реализует действительную принципиальную схему истинного замысла.

Как отмечается рядом исследователей, все о чем писал В.И. Ленин, так или иначе, имело выход, прежде всего, в сферу политики и экономики, в область обоснования господства пролетариата в обществе. Обращение же к гносеологической проблематике, к отдельным ее вопросам и проблемам шло вторым планом, это был сопутствующий продукт (см., например, [6, 7] и др.).

Если душой науки является метод, то душой метода является мировоззрение. На его основе происходит формирование и вызревание, закрепление и дальнейшее развитие научно-познавательной методологии. Иначе говоря, каково мировоззрение, такова и методология.

В научно-мировоззренческом аспекте диалектический материализм базируется на первичности материи, на первичности бытия, на тотальной зависимости человека от способа производства, от политических, идеологических и экономических условий жизне существования.

Идейно-мировоззренческое единство, целостность, системность и универсальность исходного базиса достигается за счет идеи монизма. Монистический взгляд на природу, общество и человека идейно консолидирует диалектический материализм, задает единые объективно-логические и до-

казательственные основания. Идея монизма утверждала революцию как единственно правильный выход пролетариата в царство свободы; материалистическое мировоззрение как единственно научное мировоззрение; диалектический метод как единственно правильный научный метод; материалистический детерминизм как универсальную всеобщую связь, охватывающую природу, общество и человека; абсолютизацию бытия перед сознанием и ряд других основоположений.

В формате данных исходных основоположений и развивалась научно-познавательная методология диалектического материализма.

Методология диалектического материализма – это методология практического переустройства государства и общества, переустройства ее базиса и надстройки; это методология практического действия и действия пролетариата в целях достижения политического и экономического господства, обеспечения условий жизне существования нового собственника.

Утверждавшаяся в диалектическом материализме идея монизма, в соответствии с принятой логикой, была перенесена, по принципу механической аналогии, и в сферу науки. Ведь переустройство базиса неизбежно увлекало за собой и переустройство науки. Отныне наука должна была служить исключительно в интересах политически и экономически господствующего класса, а ее научно-мировоззренческой и научно-методологической основой должен был стать диалектический материализм, диалектический метод. Категоричность, с какой утверждался диалектический метод, в науке вполне сопоставим с категоричностью, с какой утверждалась необходимость диктатуры пролетариата. Идея монизма или, иначе говоря, монополия на знание, утверждается как условие прогрессивного развития общества. Утверждавшаяся единственность распределялась не в пользу науки, а в интересах политико-идеологических.

По сути дела диалектический материализм утверждал диктат мысли, диктат интеллектуальных инициатив. Диктат метода есть логическое продолжение диктата пролетариата. Диктат в науке был необходимым условием, поскольку был предназначен для научного обоснования диктатуры пролетариата. Мировоззренческий, научно-методологический, логический круг замкнулся. Наука оказалась накрепко привязанной к политике, к обеспечению и оправданию нового собственника.

Под влиянием философии диалектического материализма формировалась и вызревала культура мышления, интеллектуальная ментальность, научно-познавательные традиции, определялись научно-познавательные перспективы развития научного знания. Наука поделилась на идеалистическую

(буржуазную) и материалистическую (социалистическую), на науку правильную и неправильную, на науку достойную соответствовать высокому статусу науки и недостойную.

Научно-мировоззренческий и научно-методологический авторитаризм, интеллектуальная нетерпимость инспирировали развитие масштабной дегуманизации науки. Она лишалась одного из важнейших своих завоеваний – свободы научно-творческого поиска.

Но наука развивается по своим законам, а не по законам политики и политиков. Авторитаризм в науке, философско-мировоззренческая монополия, диктат метода ежедневно, ежечасно воспроизводят, как конвейер, единомыслие, которое пагубно для науки, несовместимо с подлинной научно-творческой деятельностью. Рассчитывать на такое единомыслие, значит представлять себе чрезвычайно упрощенно творческий характер науки и внутренний мир познающего субъекта размышляющего о знании, об истинном, о сущем. Научно-познавательная деятельность, развивающаяся в строго очерченном философско-мировоззренческом пространстве, напрямую замыкающаяся на политико-идеологическую составляющую способна вырабатывать лишь *должное знание*, т.е. ситуативно необходимое.

Диалектический материализм в советском исполнении изначально иррационален. Будучи предельно идеологизирован, он привнес в науку авторитаризм и абсолютизм, лишив ее философско-мировоззренческого и научно-мировоззренческого плюрализма, существенно ограничил познающего субъекта свободы интеллектуальных инициатив, свободы выражения мнений. Партийно-классовый подход в науке сопровождался присвоением партийно-государственной элитой права на заведомое знание как и в каком направлении должна развиваться наука и научное знание, каким должно быть научное знание. Экстремизм в науке есть продолжение логики владения, распоряжения и пользования собственностью.

Диалектический материализм, как идейно-мировоззренческая модель, задававшая вектор политико-экономического строительства составила идейно-мировоззренческую основу строительства корпуса науки, формировала профиль развития и архитектонику знания.

Философия диалектического материализма, диалектический метод есть одна из самых масштабных аналогий в истории советской науки. Ее сильные и слабые стороны в криминалистике, в научно-криминалистическом знании еще предстоит осмыслить.

Литература

1. Маркс К. и Энгельс Ф. *Немецкая идеология*. М., 1956.
2. Тарнас Р. *История западного мышления*. М., 1995.
3. Туган-Барановский М.И. *Социализм как положительное учение*. М., 2003.
4. Румий В. *Философию за борт? / На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение*. М., 1990.
5. «На каждого интеллигента должно быть дело». *Литературная газета*. 11 августа 1993 г.
6. Бердяев Н.А. *Истоки и смысл русского коммунизма*. М., 1990.
7. Поппер Карл Раймунд. *Открытое общество и его враги*. Т. 2: *Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы*. М., 1992.